

Лишь к Празднику фонарей Ян Е наконец пошёл на поправку. В самый день Шанъюань Ян Си, насилу отделившись от министров, привычно отправился навестить брата. Тот сегодня казался бодрее обычного: слуги помогли ему приподняться и уложили на большую расшитую подушку. Рядом замер молодой евнух с пиалой тёплой воды в руках.

Заметив вошедшего, Ян Е слабо улыбнулся. Лицо его по-прежнему оставалось мертвенно-бледным, но в глазах наконец-то блеснула былая искра жизни.

— Дай я, — мягко произнёс Ян Си, забирая у слуги пиалу.

Он принялся осторожно, глоток за глотком, поить брата, сокрушённо качая головой.

— Одной водой сыт не будешь. Погляди на себя, высох весь за эти недели. Неужели совсем ничего не хочется съесть?

Ян Е честно попытался вспомнить хоть какое-то лакомство, но аппетит так и не пробудился, и он лишь устало качнул головой. Ян Си тяжело вздохнул.

Заметив это, евнух поспешил сделать шаг вперёд и почтительно доложил:

— Ваше Величество, лекари строго-настрого запретили давать князю Хуайю сытную пищу. Желудок его ещё слишком слаб, ему дозволено лишь самое лёгкое и жидкое. Да и того господин едва может проглотить несколько ложек.

— Не глупи, я не стану вредить брату, — отмахнулся Ян Си и вновь повернулся к больному: — Ты всё спал да бредил, я и спросить не мог. С чего вдруг тебя так подкосило? Вроде бы ничто не предвещало.

Ян Е слабо усмехнулся:

— Проигрался в пух и прах. Сердце разболелось от досады, вот и слёг.

Ян Си недовольно свёл брови:

— Из-за какой-то горсти монет? Тебе денег мало? Нужна мошна — так и скажи старшему брату, к чему изводить себя глупой гордостью? Чтобы это было в последний раз!

Он ещё долго сидел у постели, держа брата за руку и негромко ворча, пока тот снова не погрузился в глубокий сон. Лишь после этого император тихо покинул опочивальню.

До заката оставалось ещё много времени, и Ян Си решил прогуляться до Дворца Высшего

Благословения, где жила его супруга. Однако, переступив порог главного зала, императрицу он там не застал. Вместо неё на шёлковом ковре сидела юная девица, увлечённо щекотавшая маленького Ян Шо. Малыш заливисто хохотал, дрыгая ножками.

Ян Си удивлённо замер. Девушка обернулась на шаги — облачённая в нежно-зелёное шёлковое платье, круглолицая, со светлой бархатистой кожей, она оказалась не кем иным, как Цэнь Умэй. Перед самым Новым годом она уезжала в Чанъань повидаться с отцом и вернулась во дворец совсем недавно, сразу же поспешив навестить старшую сестру и маленького племянника. С тех пор как император вернулся в Лоян, они ещё ни разу не встречались.

Передав вырывающегося наследного принца на руки подросшей няньке, Цэнь Умэй тепло улыбнулась:

— Братец... Ах нет, Ваше Величество!

Она склонилась в почтительном поклоне, но Ян Си поспешно махнул рукой:

— Ну полно тебе, Сяо Мэй. Мы же близкие люди, оставь эти придворные церемонии. Называй по-старому, так куда лучше. А где твоя сестра?

Девушка, однако, упрямо завершила положенный этикетом глубокий поклон и лишь после этого выпрямилась:

— У сестры возникли какие-то дела на женской половине дворца. Она обещала скоро вернуться, а меня пока просила присмотреть за Аньанем.

Ян Си забрал сына на руки. Тот немедленно вцепился крошечными пальчиками в отцовские волосы. Перехватив шаловливую ручку, император бережно погладил малыша по мягкой щёчке, но на лице его невольно проступила тень глубокой заботы.

Умэй, тонко чувствовавшая чужие настроения, тихо спросила:

— Братец Си, о чём ты так горько вздыхаешь? Неужели наш маленький Аньань расстроил тебя своим непослушанием?

— Глупости, мой сын — сущий ангел, — вздохнул Ян Си. — Я думаю о Сяо Лане. Помнишь того сорванца, что когда-то залез к тебе в сад посреди ночи, чтобы оборвать цветы? Он слёг ещё до наступления праздников и до сих пор никак не оправится. Я велел перевезти его во Дворец Нефритовой Роскоши, чтобы лекари всегда были под рукой, но он тает на глазах, а от еды воротит нос. Каждое посещение его покоев разрывает мне сердце.

Ян Си внимательно посмотрел на свояченицу:

— Сяо Мэй, у меня государственные заботы отнимают все силы. Ты теперь будешь часто гостить во дворце. Быть может, наведишь его как-нибудь? Вы оба молоды, вам проще найти общий язык.

Девушка смущённо опустила ресницы, и на её щеках выступил едва заметный румянец.

— Как я могу забыть князя Хуая? — тихо проговорила она. — Но помилуй, братец, приличия требуют строгого разделения между мужчинами и женщинами. Могу ли я, незамужняя дева, заходить в его покои? Однако... у моего отца тоже вечно не ладится с пищеварением. Чтобы хоть немного порадовать его, я выучилась готовить особые, щадящие кушанья. Отец всегда хвалил мои скромные труды. Я могла бы приготовить что-нибудь для больного и отправлять с дворцовыми слугами. Вот только не знаю, придутся ли князю не по вкусу мои стряпни?

— О чём ты говоришь, какое там «не по вкусу»! — обрадовался Ян Си. — Раз ты согласна помочь, у меня прямо гора с плеч. В северо-западном углу Дворца Нефритовой Роскоши есть отличная пристройка с отдельной кухней. Можешь хозяйничать там. Любые редкие коренья или приправы требуй у моего главного управляющего, он предоставит всё по первому твоему слову.

С того дня Цэнь Умэй зачастила на дворцовую кухню. Она от природы славилась изобретательностью и к делу подошла со всей душой: варила лёгкие бульоны, добавляя в них то сочные кусочки южных плодов, то ароматные цветочные лепестки. Каждое блюдо выглядело как маленькое произведение искусства. Ян Е, изнурённый тяжёлой болезнью, не имел ни сил, ни желания расспрашивать слуг, откуда берутся эти изысканные яства, полагая, что это забота державной руки старшего брата. Поначалу он едва притрагивался к еде, но нежные вкусы на удивление быстро вернули ему аппетит, и дело пошло на лад.

Ян Си навещал больного ежедневно и, видя, как тот крепнет на глазах, наконец-то вздохнул с облегчением.

К середине второго месяца государственные дела улеглись в привычную колею. В один из дней, когда утренний совет завершился раньше обычного, император заглянул к брату и застал его уже на ногах: тот медленно прохаживался по покоям. Заметив, что к больному вернулась бодрость, Ян Си ободряюще улыбнулся:

— На улице потеплело, весна берёт своё. Хватит тебе киснуть в четырёх стенах, пойдём проветримся.

Ян Е согласно кивнул. Брат лично набросил ему на плечи плотный шерстяной плащ, подвязал шнуры и, взяв за руку, повёл в Императорский сад. За ними безмолвными тенями потянулась вереница слуг и стражников.

Сад и впрямь преобразился: почки на персиковых деревьях налились нежно-розовым цветом, сквозь прошлогоднюю листву пробилась первая робкая зелень, а лёгкая дымка над прудом ласкала резные крыши беседок. В воздухе отчётливо пахло весной.

— Посмотри, до чего ты себя довёл своей безудержной тягой к кутежам, — с мягким укором проговорил Ян Си. — Пропустил и празднование Нового года, и Праздник фонарей. Ты же жить не можешь без шума и суеты, а теперь остался ни с чем. Если не возьмёшься за ум, клянусь, запру тебя во дворце навсегда. Будешь сидеть под моим присмотром, раз в собственном поместье за тобой некому приглядеть.

— Всё-всё, я исправлюсь, никаких больше глупостей, — пообещал Ян Е. — Братец, я ведь почти здоров. Зачем мне и дальше стеснять тебя своим присутствием? Позволь мне вернуться в поместье.

— И не думай, — отрезал Ян Си. — Поживёшь ещё подле меня, пока лекари не подтвердят, что болезнь ушла окончательно.

Впереди показалась изящная Беседка Узорной Парчи. Вокруг неё раскинулись обширные клумбы знаменитых лоянских пионов: их тугие алые бутоны уже набрали силу и вот-вот готовы были лопнуть навстречу весеннему солнцу. Чуть восточнее синела гладь пруда, на берегу которого высились резные павильоны Зала Собрания Бессмертных и Террасы Прекрасной Весны — излюбленные места императорской семьи для созерцания цветов. Пионы Лояна славились по всей Поднебесной, поэтому ежегодно, начиная с третьего дня третьего лунного месяца, двор устраивал пышный Банкет Ста Цветов. Правитель лично созывал вельмож и министров на грандиозные пиршества, которые гремели три дня и три ночи подряд, затмевая роскошью даже новогодние торжества. Ян Си, лишь недавно взошедший на престол, разумеется, не собирался нарушать древний обычай и желал ознаменовать начало своего правления особенно величественным праздником.

В беседке уже кто-то был. Императрица Цэнь в окружении свиты служанок забавляла маленького наследника. Заметив приближение венценосного супруга и князя Хуая, придворные поспешно склонились в приветствии. Ян Е тоже попытался поклониться императрице согласно этикету, но Цэнь Вэньцзян неожиданно тепло улыбнулась ему и мягко произнесла:

— Твоё тело ещё слабо после недуга, оставь поклоны.

Ян Си усадил брата за каменный стол, расположившись рядом. Императрица устроилась напротив них и участливо спросила:

— Как твоё самочувствие, князь Хуай?

— Благодарю за заботу, многоуважаемая невестка, — почтительно отозвался Ян Е. — Мне гораздо лучше, не стоит беспокоиться.

Пока они вели неторопливую светскую беседу, со стороны аллеи донёсся звонкий девичий голосок:

— Сестрица! Так вот ты где прячешься!

Ян Е невольно обернулся. Под сенью дикой вишни стояла юная особа в платье из тончайшего светло-зелёного шёлка. Хрупкая, тонкая, словно молодая ива, она смотрела на них с лукавой улыбкой.

Он на мгновение замер, силясь вспомнить, где мог её видеть. Ян Си тихонько толкнул его в бок и зашептал на ухо:

— Больше месяца уплетал её стряпню за обе щеки, а теперь даже признать не можешь? Это же Сяо Мэй.

За те два года, что они не виделись, уездная принцесса Цэнь расцвела. Прежняя детская округлость щёк уступила место благородному овалу лица, но взгляд остался прежним — ясным и чистым. Озорная девчушка из чанъаньского поместья старого князя Цэня словно по волшебству превратилась в утончённую, скромную барышню.

Ян Е мгновенно спохватился и поспешно поднялся, приветствуя девушку:

— Приветствую младшую уездную принцессу Цэнь.

Цэнь Умэй подошла ближе и, плавно опустившись в изящном реверансе, тихо промолвила:

— Князь Хуай излишне строг к условностям. Рада видеть вас, Ваше Величество, сестрица.

Ян Си, глядя на их чинные, натянутые поклоны, не выдержал и негромко рассмеялся:

— Посмотрите-ка на этих праведников! Словно почтенные супруги на официальном приёме.

Ян Е лишь невозмутимо хмыкнул, а вот щёки Умэй мгновенно залила яркая краска, и она поспешно опустила взгляд. Императрица бросила на супруга укоризненный взор, но промолчала.

— Сяо Мэй, присаживайся к нам, — примирительно улыбнулся Ян Си. — Не нужно церемоний, здесь все свои.

Цэнь Вэньцзян спустилась со ступеней беседки, ласково взяла сестру за руку, увлекая за собой, и усадила рядом.

— Куда ты пропала в последние дни? — мягко спросила она. — Совсем забыла дорогу в мои покои. Чем ты была так занята?

— Ничем особенным, — потупилась девушка. — На днях братец Си подарил мне служанок из тех южанок, что прислали в качестве дани. Одна из них превосходно владеет игрой на пипе, вот мы и проводим время за совместными упражнениями.

— Какая утончённая забава, — улыбнулась старшая сестра. — Учись прилежно, потом как-нибудь сыграешь для нас.

— Непременно, — послушно кивнула Умэй. Она украдкой покосилась на Ян Е и повернулась к государю: — Братец Си, со дня твоего восшествия на престол ты трудишься не покладая рук, и я не смела докучать тебе праздными разговорами. Но мне безумно хочется узнать о нравах и красотах Янчжоу. Ведь недаром мудрецы говорят, что если всю прелесть лунных ночей разделить на три части, то две из них безраздельно принадлежат Янчжоу. Выдастся свободная минутка — расскажешь мне о тех краях?

Ян Си сразу разгадал её невинную хитрость и добродушно рассмеялся:

— Ох, Сяо Мэй, мне действительно довелось побывать в Янчжоу, да только в разгар войны и смуты. Мы мчались туда и обратно сломя голову, тут уж не до любования луной. А вот у Сяо Лана времени на прогулки было предостаточно. Пусть лучше он поведаёт тебе обо всём, идёт?

С этими словами император незаметно пихнул локтем замершего рядом брата. Ян Е, подперев рукой подбородок, мечтательно разглядывал робко распускающийся персиковый цвет на дальнем холме и от толчка едва не потерял равновесие.

— Если князь Хуай не сочтёт за труд поделиться воспоминаниями, я буду счастлива выслушать, — скромно добавила Умэй.

— О чём... о чём рассказать? — растерянно моргнул Ян Е.

Ян Си притворно нахмурился:

— Как это о чём? Обо всём, о чём Сяо Мэй спросит! — Затем он заговорщически подмигнул свояченице: — И вообще, прекращайте эту напускную вежливость. Называй его просто братом Сяо Ланом, к чему эти церемонные титулы? Только отдаляют друг от друга.

— Как я смею перечить государю? — весело отозвалась девушка и, обернувшись к Ян Е, заглянула ему в глаза: — Брат Сяо Лан, поведай мне, где именно в Янчжоу находятся знаменитые Двадцать Четыре моста? Уцелели ли их древние камни до наших дней?

— Признаться, я не обратил внимания, — пожал плечами Ян Е. — Мы с братом постоянно были в гуще сражений, так что всю эту нежную романтику южного края я безнадежно упустил. Вот если доведётся побывать там снова в мирное время, я обязательно разузнаю всё для тебя.

Ян Си довольно закивал:

— Вот и славно! А когда такое время настанет, я не отпущу тебя одного. Мы соберёмся все вместе и совершим великое путешествие на юг, в Цзяннань. Обойдём все знаменитые горы и озёра, налюбуйтесь вдоволь. Что скажете?

В этот момент к беседке торопливым шагом приблизился старший евнух. Склонившись в глубоком поклоне, он доложил, что чиновники из Министерства ритуалов подготовили списки гостей и убранства для предстоящего Банкета Ста Цветов и просят государя лично утвердить бумаги.

Ян Си ухватился за этот предлог:

— Вот и отлично, займёмся делом. Императрица, праздник этот государственной важности, пойдём со мной, поможешь принять верные решения. А вы, молодые люди, посидите здесь, поболтайте. Вечером жду вас обоих у себя на ужин, смотрите не опаздывайте.

Ян Е поспешно вскочил:

— Братец, мне вообще-то нужно...

Ян Си наградил его столь свирепым взглядом, что тот осёкся на полуслове.

— Сказал же — жду к ужину. И чтобы без фокусов!

Император подхватил под локоть супругу, велел нянькам нести спящего малыша и неспешным шагом удалился в сторону внутренних покоев.

Оставшись наедине с девушкой, Ян Е со вздохом опустился обратно на скамью. Разговор не клеился, и, чтобы нарушить затянувшуюся паузу, он принялся разглядывать зелёные побеги вокруг беседки:

— До праздника Третьего дня третьей луны осталось всего ничего. Как думаешь, успеют ли распуститься пионы в такую прохладу?

— Нынешняя весна и впрямь выдалась холодной, — охотно отозвалась Умэй. — Я расспрашивала господина Жэня, и он подтвердил, что заморозки отступят нескоро. Но мы нашли выход: соорудили в саду просторные теплицы, куда слуги перенесли самые ценные сорта прямо в кадках. Там почки налились силой гораздо быстрее, так что без цветов праздник не останется. Хочешь, я покажу тебе наши тёплые оранжереи?

Ян Е лишь вежливо улыбнулся, мягко покачав головой. Умэй, обладавшая редкой

проницательностью, мгновенно уловила его нежелание и тут же мягко перевела всё в шутку:

— Ах, прости мою глупость! Твой недуг едва отступил, тебе сейчас нужен покой, а не долгие прогулки. Да и тяжёлый дух тепличных цветов может тебе навредить. Не стоит утомлять себя.

— Как только окончательно окрепну, непременно схожу полюбоваться, — пообещал Ян Е, растроганный её чуткостью.

Отойдя на приличное расстояние, Ян Си не удержался и обернулся. Вдалеке, под узорчатой крышей беседки, уединённо беседовали двое. До него не доносились их голоса, но по оживлённой жестикуляции брата было видно, что Умэй удалось расшевелить его и увлечь разговором.

Император довольно заулыбался и обратился к супруге:

— Погляди на них. Ну вылитые небожители, сошедшие со старинного свитка. Идеальная пара!

Лицо Цэнь Вэньцзян мгновенно посуровело, и она холодно бросила:

— Не нахожу ничего подобного.

Ян Си решил, что супруга просто капризничает из вредности, и лишь беззаботно отмахнулся.

— По законам нашей империи Да Янь всем великим князьям предписано носить пурпурные одеяния, — увлечённо рассуждал он вслух. — Пурпур, конечно, к лицу Сяо Лану, но этот цвет слишком строг для его буйного и весёлого нрава. Ему куда больше идёт алый. Пожалуй, надо будет издать особый указ и даровать ему право носить одежды красного цвета.

Цэнь Вэньцзян ядовито усмехнулась. С трудом подавив желание высказать всё, что накопилось на душе, она принуждённо натянула улыбку:

— О нарядах ли речь? Наряди этого бездельника хоть в парчу из чистого золота, его несносный, распутный нрав ни за какими шелками не утаишь.

<http://bllate.org/book/19546/1998861>